

ОТКУДА И КУДА

ВЛАСТЬ ТАЙНЫ

© 2015

В.М. Найдыш, О.В. Найдыш

Есть вещи, понимать которые не должен даже самый умный человек.

В.О. Ключевский

**Найдыш
Вячеслав**

Михайлович — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой онтологии и теории познания факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, академик Академии гуманитарных наук, академик Российской академии социальных наук. Постоянный автор журнала. E-mail: v.naidysh@bk.ru

В общественном сознании начала XXI века существенно меркнет сложившийся в культуре модерна рационалистический образ “прозрачного мира” “ясно и отчетливо” (Р. Декарт) постигаемой реальности. Человечеством потрачены грандиозные усилия на познание природы, ее практическое преобразование; накоплены колоссальные массивы знаний; создан многообразный мир техногенной цивилизации... Казалось бы, тайн для человека в окружающем мире уже почти не существует. Все (или почти все) в нем ясно и прозрачно для разума. Однако в действительности складывается полярно противоположная ситуация. Парадоксальным образом таинственность мира не только не уменьшается, а, наоборот, все возрастает.

В сознании современного человека природная и социальная реальности еще больше насыщаются мистериальностью. Тайны окружают человека на каждом шагу. Значительно “активизировались” мифологические пласты, глубоко заложенные в структуру нашего сознания. А миф — это всегда тайна. В повседневной жизни вновь прочно утвердились, казалось бы, давно исчезнувшие языческие суеверия, оккультизм, магия, спиритизм, колдовство и т.д. Возрождается, стремясь к историческому реваншу, религиозное сознание, где понятие тайны играет исключительно важную (по сути — ключевую) роль.

Стержнем любой религиозной системы является *вера* в реальное существование сверхъестественных сил, которые непостижимы человеческим мышлением (в лучшем случае их можно особым образом почувствовать, ошутить, пережить). Сверхъестественное — это и есть главная Тайна любой религии. Бог — это всегда Тайна. Понятие тайны (таинства) выступает одним из стержневых в доктринальных основаниях многих (если не большинства) религий. Так, в христианской теологии тайна (таинство) определяется как “богочужденные священные действия, в которых под видимым образом сообщается верующим невидимая благодать Божья” [10]. Причем во всех христианских конфессиях концепция тайны прорабо-

тана детально (с определенными различиями в каждой из них). В отличие от обрядов, установленных церковью (и призывающих благословение на внешнюю жизнь, а не на душу человека), тайны (таинства) установлены самим Богом (богоучреждены). Они несут невидимую Божию благодать, которая вселяется в душу человека и изменяет ее. При этом тайны (таинства) сопровождаются некоторым видимым образом (знаком) свершения (каждая своим)¹ [см.: 15; 13; 16]. Истоки религиозной тайны — в мифологической предоснове религии.

Дерационализируется, ремифологизируется и обыденное сознание. Самоощущение культурного доминирования ему придают преобладание стихийных процессов в социально-экономической и социокультурной сферах, господство духа разложения и цинизма, тупого потребительства, обогащения любой ценой, снижение уровня образованности в обществе (в том числе в силу весьма противоречивого реформирования отечественной системы образования), отнесение на второстепенные роли рационализированных форм культуры. В таких условиях современное обыденное сознание не нуждается в профессионализме, высоких требованиях к результатам деятельности, в творчестве. Оно утрачивает способность к адекватной ориентации в мире природных и социальных явлений, а его претензии на социокультурную значимость оборачиваются сползанием в рутинный консерватизм и посредственность.

Даже такой оплот рационализма, как наука, оказался под сильнейшим прессингом мифологического сознания. Результатом стало формирование квазинаучного мифотворчества — того духовного кентавра, в котором соседствуют и, более того, в чем-то даже дополняют друг друга научное и мифопоэтическое, логико-доказательное и мифологическое, рационально-теоретическое и иррационально-мистическое. В квазинаучной мифологии представления и понятия, которыми оперирует современная научная картина мира, спокойно уживаются с мифопоэтическими образами (заимствованными из арсенала древних народных верований, пластов языческого мироощущения, что сохранились в недрах массового сознания до наших дней), с религиозными представлениями, стереотипами обыденного сознания. “Классический” набор квазинаучных мифологем — поиски НЛО, полтергейст, левитация, идеи реинкарнации, “жизни после жизни” (точнее, после смерти), существование внетелесных образов, призраков, спонтанных самовозгораний, экстрасенсорное восприятие и др. Особенно сильна тенденция порождения мистериальных мифологем в том, что касается истоков и судеб человеческой цивилизации, организации и населенности Вселенной, взаимодействий человеческой цивилизации с “над- или внечеловеческими разумами” во Вселенной и т.п. В то же время бурно расцветают старые, традиционные формы оккультизма — магия, астрология, спиритизм и др. [6].

*В. Найдыш,
О. Найдыш*
Власть тайны

**Найдыш
Ольга**

Вячеславовна — кандидат философских наук, преподаватель факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. В журнале “Человек” опубликовала статью “Обыденное сознание и жизненный мир” (2011. № 4).
E-mail: migor82@bk.ru

¹ Сильны элементы мистериальности и в исламе, который более строг и последователен в проведении принципа монотеизма, чем христианство, а также постулирует абсолютную трансценденность Бога. Главной областью тайн здесь является догмат о Божественном предопределении, оставивший неопределенными вопросы о мере и формах активного и пассивного в отношениях человека с Богом — бездеятельный сознательный фатализм или активные мистические практики совершенствования человека?

² Современная общественно-политическая реальность и в России, и в мире буквально пронизана мистериальностью. Так, тайной является то, кому реально принадлежит власть в РФ (ведь понятно: существующие политические институты — лишь “вершина айсберга”) и кто в стране реальный владелец многих хозяйственных объектов. Чего стоит, например, одна только недавняя история с поиском после теракта в аэропорту “Домодедово” реальных его владельцев. Характерно и то, что по существующему законодательству владельцы на самом деле ни за что происшедшее на принадлежащем им объекте не отвечают. Как здесь ни вспомнить высказывание У. Черчилля о том, что Россия — это “загадка, упакованная в тайну, спрятанную в непостижимость”. Завесой тайны покрыты и те сетевые системы — “надгосударственные структуры управления и согласования” (А.И. Фурсов), — которые, по сути, и направляют в наше время мировую политику. В конечном счете побеждает в политике умеющий демистифицировать властные отношения, делать их транспарентными. В этом, разумеется, прежде всего не заинтересованы чиновники всех мастей и уровней. Чем более мистифицированы властные отношения — тем легче избежать ответственности за принятие пагубных решений.

Ныне активизируется и политическое мифотворчество. Здесь власть *тайны* непосредственно проявляет себя как тайна *власти*, а политика трансформируется в парapolитику (закулисное сплетение и соперничество классовых интересов, интриги, непрозрачность внутри политического процесса, не сводящаяся к институтам демократии, парламентаризму, прессы и пр., когда за фасадом государственной политики вершится совершенно другая линия управления общественными процессами — тайная). Подобное оказывается возможным, поскольку в политике осознание и выражение коренных экономических (материальных) интересов отдельных социальных групп никогда не исчерпывает всего богатства и изменчивости реального содержания данных интересов и потребностей. Подлинные интересы легко подменяются мнимыми, а значит появляется возможность мистификации и политических программ, и средств достижения политических целей, идеалов и пр.

В сфере парapolитики политические идеи и действия не реализуются открыто, а имитируются, то есть создаются иллюзии работы в обществе реальных зримых политических механизмов. Парapolитика полностью зависит от “сиюминутного” расклада эгоистических интересов различных узких властных групп, функционирующих как звенья в “политических сетях”, и потому насыщена непредсказуемостью, случайностями, загадками, мистериальностью, особенно легко связывается с терроризмом и пр.² Как реакция на парapolитику в современном политическом и правовом сознании усиливаются роль и значение конспирологических доктрин, которым нельзя отказать в наличии рационального момента.

Потребность в чуде, в тайне вечно живет в человеке. Это неистребимая часть его духовности. Все относящееся к тайне задевает в душе самые тонкие струны. Тайна создает вокруг себя токи высокой духовной напряженности, особую эмоциональную атмосферу, сочетающую одновременно и страх перед будущим, и надежду на благоприятный исход событий. В ней имплицитно содержится ожидание чего-то необычного и внешне вторгающегося в судьбу человека. Поэтому на протяжении всей истории культуры тайна выступает мощным духовным оружием. С помощью тайны можно возвысить, облагородить человека, воспитывая его на лучших образцах Добра и Красоты. А можно и закабалить, изошренно манипулируя его сознанием (средствами мистицизма, эзотеризма, утопизма, мифотворчества, магии и пр.). Ведь не случайно СМИ сейчас в значительной мере занимаются не информированием, просвещением и воспитанием читателя/зрителя, а поиском “страшненьких” тем, “творением” по ходу, на лету (мыслимых и немислимых) сюжетов, с помощью которых можно оглушить “жуткими тайнами”, загадками и ужасами.

Такого рода сюжеты сопровождаются крайне непрофессиональными (а подчас и просто неадекватными, если не ска-

зять идиотскими) “экспертными оценками” случайных субъектов с “горящими глазами”. А если еще восприятие зрителя усилить подходящим музыкальным сопровождением, то можно собрать немалую аудиторию. Ведь большинству “мистериальная” тематика интересна, ее усвоение не требует интеллекта, ее феерические картины затягивают в “экранное пространство”. Однако конечный результат оказывается абсолютно пустопорожним, в нем лишь видимость нового знания, информированности.

В сущности, подобная тематика ориентирована не на новое знание, а на создание особой чувственно-эмоциональной атмосферы: читатель/зритель взбудоражен, охвачен острыми ощущениями, отвлечен от повседневных забот, треволнений, обязанностей. В мире, вызываемом таким “мистериальным” сюжетом, все “как будто”, понарошку, виртуально. Это мир симуляции и имитации действительности. Подлинная реальность искажена или утрачена. Зато читатель/зритель эмоционально удовлетворен, готов и дальше воспринимать имитацию реального, а главное — усваивать ложные идеологии и ценности.

Конечно, рано или поздно здравомыслящий человек поймет, что цена осевшей в его памяти информации равна нулю, все это, говоря на современном сленге, — “разводка”. Но дело сделано — человеком как объектом идеологического воздействия, как “электоратом” уже “воспользовались” и теперь за ненужностью он может быть выброшен “на свалку” истории и/или культуры. Его личное время потеряно, как и возможность личностного духовного развития в пространстве подлинной культуры.

Мистериальное глубоко антропологично. Тайна обладает властью над человеком и во многом задает горизонт его самоопределения, жизненного мира. Данная особенность религиозных тайн получила название нуминозности [7]. Тайна оказывается пограничьем между человеком и миром, бытием и небытием. Различаются тайны познания и тайны общения. На грани предельного смысла человеческого и природного тайны духа сопрягаются с проблемами конкретных наук, а в сфере общения — со способами управления людьми, организации их сообществ.

Большую роль в историческом процессе играли строго организованные тайные общества, закрытые политические клубы и пр. Их политическая эффективность велика потому, что завеса тайны скрывает от непосвященных подлинные мотивы, це-

Рисунок с сайта:
URL: <http://skachat.com>
(дата обращения:
17.02.2015)

ли и задачи их общественных устремлений, таким образом облегчая воплощение последних в жизнь. Даже на повседневном уровне люди часто становятся жертвами обмана и манипуляций со стороны тех, кто умеет держать в тайне свои интересы и цели. Наивность всегда проигрывает тайне.

А в большой политике законспирированных носителей тайн нередко не останавливают ни массовые жертвы среди “мирного населения”, ни технологические катастрофы. За все это они все равно не будут нести ответственности. Вот почему исторические описания, которые не учитывают такой “мистериальный фактор” в политическом процессе, весьма и весьма далеки от подлинного исторического процесса. И потому абсолютно справедливы утверждения историков о том, что подлинная история политического процесса, особенно последних (хотя бы трех) столетий, попросту еще не написана.

Итак, в сознании человека эпохи постмодерна мистериальность мира не только не сократилась, но и приумножилась. Все основные сферы современной духовной культуры окутаны ореолом непостижимой тайны. Растет убеждение, что мир скорее “непрозрачен”, чем “прозрачен”; он полон тайн, загадок, покрыт пеленой непознанного и непознаваемого. На смену оптимистическому мироощущению модерна, что у природы можно “вырвать любые тайны”, постмодерн несет с собой пессимистическое ощущение принципиальной зависимости человека от мистериальности бытия. Перед нами один из интереснейших парадоксов истории духовной культуры: с ростом масштаба культурно-исторического действия зависимость человека от мира не ослабевает, а все больше усиливается; культурные формы, в которые облачаются констатации загадочности бытия, исторически изменяются, но при этом остается неизменной тенденция роста таинственности мира, укрепления мистериального мироощущения.

Данный парадокс — назовем его “мистериальный парадокс” — скрывает некий “метафизический остаток” — определенные закономерности в способе бытия человека в мире, человеческого сознания, фундаментальные отношения в системе “мир — человек”. Мистериальный парадокс должен быть разгадан. «Религиозная и собственно культурная ценность “тайны” до сих пор еще недостаточно изучена» [11], — отмечал М. Элиаде. Тайна должна быть понята и как культурная универсалия, форма сознания, проблема когнитивных наук, и как действенный фактор современной духовной жизни. Попробуем прояснить вопрос о тайне как форме сознания и причинах ее власти над человеком.

Как известно, сознание — это не только знание о мире, но и переживание мира в его отношении к субъекту, к условиям жизнедеятельности последнего. Человек не только познает мир, но и оценивает его свойства с точки зрения их значимости для удовлетворения своих потребностей. Функции же

оценки всегда признавались за эмоциями, которые выступают субъективной формой представления потребностей. Важно то, что знание и переживание неразрывно связаны друг с другом и как самостоятельные процессы могут быть выделены только в абстракции. В этом противоречивом соотношении когнитивного и ценностного и выражено *фундаментальное отношение сознания*, то есть его

субстанциально-организационная основа, постоянно воспроизводимая во всех конкретных целостных продуктах его функционирования. Теоретически функционирование сознания может быть реконструировано как постоянное воспроизведение и разрешение противоречия между когнитивным (объективно обусловленным) и ценностным (субъективно значимым, переживаемым) его аспектами.

Каждый исторический тип сознания характеризуется определенной структурой — иерархией видов взаимодействий, надстраивающихся над фундаментальным отношением сознания. Так, начиная с новоевропейской эпохи в когнитивной составляющей выделились фактуально-эмпирический и теоретико-методологический компоненты, а в ценностной — потребностно-мотивационный и нормативно-регулятивный [4].

Игнорирование фундаментального отношения сознания в моделировании психических процессов приводит к утере методологических ориентиров и существенным образом ограничивает исследовательский поиск. Такая ситуация, например, характеризует первые этапы развития когнитивной психологии (как отдельное направление в психологии сложилась в 1960-е годы), пытавшейся объединить языковые, сенсорные, ментальные, моторные аспекты познавательного процесса моделями представления и переработки информации. Когнитивная психология видела свою задачу в раскрытии совокупности накопленных в человеческой памяти программ, при помощи которых индивид понимает звуки речи, сам создает новые слова, предложения, приобретает определенный опыт аналитического перевода, развертки целостно-образных, симультантных фрагментов сознания в дискретные линейно-последовательные (в том числе логико-дискурсивные) его структуры [см.: 14; 5; 12; 9].

В истории когнитивной психологии выделялись несколько относительно самостоятельных парадигм (информационная, кибернетическая, нейрофизиологическая и др.), но все они так или иначе отрывали когнитивный функционал сознания от аффективно-эмоционального. Итогом оказалась очень слабая результативность таких моделей. В конце концов, уже в начале

Дымка, мистика, руки. Рисунок с сайта: URL: <http://www.zwalls.ru> (дата обращения: 17.02.2015)

XXI века когнитивная психология пришла к выводу: “...следует признать предельно абсурдной саму идею двух разных эволюций — одной для аффективных, а другой для когнитивных механизмов. Единными поэтому должны быть и их эволюционные уровни организации. По этой же причине не может быть устойчивого существования независимых друг от друга когнитивных и аффективных исследований” [2, с. 367]. В настоящее время когнитивная психология ставит перед собой задачу подняться на уровень когнитивно-аффективной науки. Трудность, однако, заключается в том, что для разработки когнитивно-аффективной парадигмы требуется учет не только кортикальных анатомо-физиологических структур, но и “нейрогуморальных влияний. Выброс нейротрансмиттеров при эмоциях, удивлении и стрессе одновременно действует на множество рецепторов в различных структурах мозга” [там же, с. 370]. Таким образом, сама логика развития когнитивной психологии приводит ее к тем парадигмам, что базируются на фундаментальном отношении сознания.

В свете концепции фундаментального отношения сознания может быть прояснена и сущность тайны. В последней отчетливо выделяются два полюса: когнитивный и ценностно-аффективный. Первый представлен *образами* объекта тайны, второй — *переживаниями*, сопровождающими эти образы.

Продуцирование конкретно-чувственной образности и ее первичное обобщение — важнейшая фундаментальная особенность деятельности сознания, своими истоками уходящая в природу восприятия. Образы тайны — это *представления* о существовании некоторых сторон бытия, что (пока или принципиально) не подвластны познавательным устремлениям человека, рациональному постижению и логическому освоению человеком, но сами тем или иным образом способны оказывать определенное влияние на его жизнедеятельность, проявляясь в эмоционально-аффективных формах. Образ тайны несет в себе заключенное в ней знание. И в то же время тайна — это образ, которой не получает (в силу различных обстоятельств) однозначной интерпретации. Принципиальная неинтерпретируемость тайны роднит ее с мифом. Поэтому тайна всегда мифологична.

Переживания тайны — те эмоционально-аффективные состояния, которыми сопровождаются ее образы. Эти состояния сплавлены с данными образами, сосуществуют с ними. Наиболее ярким, эмоционально насыщенным состоянием такого рода являются экстазы. В теологической и философской литературе последние интерпретировались как моменты выхода сознания за границы своей индивидуальности и слияния с сознанием более высокого порядка, в пределе — с бесконечным. Экстаз придает тайне “личностное измерение”.

Знание и переживание в тайне также амальгамированы друг с другом. Будучи стороной “многообразных действенных, мо-

тивационных, личностных моментов, отражающихся в переживании” [8, с. 14], знание вообще никогда не проявляется в “чистом” виде. Оно неизбежно выступает *единством объективного и субъективного*. Без учета названной закономерности любые реконструкции истории сознания не могут быть полными. Но особенно это касается тайны, где объективное и субъективное предстает прежде всего как действительное и воображаемое.

В историко-культурном анализе категории действительного и воображаемого связаны с понятием имажинарной составляющей сознания, то есть совокупностью “представлений, выходящих за пределы, устанавливаемые фактическим опытом и дедуктивным мыслительным рядом, объясняющим этот опыт. ...Каждая культура, да и каждое общество, даже каждый уровень сложносоставного общества имеют свое имажинарное. Другими словами, граница между реальным и имажинарным неопределенная, в то время как территория прохождения этой границы всегда и повсюду одна и та же, поскольку она есть не что иное, как область человеческого опыта в целом, от самого социально-коллективного до самого интимно-личного” [цит. по: 3]³. Имажинарное, таким образом, есть субъективное выражение объективного содержания образа тайны; в имажинарном субъективная составляющая полностью превалирует над объективной.

В основе тайны лежит наглядно-чувственный образ некоторого объекта (состояния, процесса и т.д.), преобразуемый воображением — важнейшей формой творческой деятельности сознания. Динамичность наглядной образности способствует ее преобразованию воображением. Последнее направляется субъективными мотивами, интересами, потребностями, желаниями и чувствами, которые придают преобразованию образа смысл, вплетают его в ткань психической жизни личности. Образ становится тайной, если в ходе преобразования средствами воображения его смыслы остаются субъектом не проясненными и вызывают напряженность по отношению к базовым ценностям субъекта.

Подлинно творческое воображение находится в состоянии *свободного отношения* и к содержанию наглядно-чувственного образа, и к прошлому опыту, сконцентрированному, в частности, в памяти. Ставший независимым вследствие такого преобразования воображением образ и есть содержательная основа тайны. Благодаря творческому воображению сознание челове-

Рисунок с сайта:
URL: <http://armadal2.clan.su>
(дата обращения:
17.02.2015)

³ Имажинарное — неотъемлемая часть “тела” современной культуры, способ выражения определенных закономерных черт в мире человеческих отношений. Так, имажинарные пласты включают в себя образы и сюжеты древнегреческих мифов (Сизифов труд, муки Тантала, подвиги Геракла, огонь Прометея, мастерство Дедала и безрассудная смеливость Икара, сила Антея, игра Орфея и др.); образы средневековой европейской (Карл Великий, Сид, король Артур, граф Роланд, волшебник Мерлин, Жанна д’Арк, Грааль, рыцарь, трубадур и др.) и отечественной (Илья Муромец, три богатыря, Гардарики, град Китеж и др.) фольклорно-мифологической традиции.

ОТКУДА И КУДА

ка осуществляет “отлет” от действительности, который может помочь либо глубже проникнуть в нее, либо, наоборот, полностью от нее оторваться. В первом случае воображение подчиняется определенным условиям, которые позволяют оставаться в рамках объективной значимости содержания исходного образа, во втором — концентрируясь на новизне, оригинальности, отрывается от реальности и полностью “уходит” в мир фантазии. Тайна пребывает на границе этих видов воображения, то есть нацелена на соединение мира строго определенных природных форм с миром переживаний и грез. С одной стороны, она претендует на объективную значимость, а с другой — разрывает с предыдущим опытом, теряя при этом возможность объективной интерпретации, и ускользает в мир фантазии, порождая широкую гамму переживаний. В этом случае отношение к реальности заполняется воображением особенного “мира” (объекта тайны), наделенного специфическими чертами, среди которых может быть и представление о супранатуральном.

Иначе говоря, преобразование конкретного наглядно-чувственного образа в процессе воображения может осуществляться путем художественно-наглядного либо абстрактно-понятийного обобщения. В первом случае образ тайны формируется средствами *комбинирования* элементов образа, *акцентуирования* (подчеркивания) отдельных черт, что достигается посредством изменения пропорций (уменьшения, увеличения и пр.). Если же акцентуирование затрагивает существенные свойства образа, то в конечном счете оно трансформируется в образную типизацию, художественное обобщение. Во втором случае выделение отдельных черт образа направлено на выработку понятия (с использованием процедур абстрагирования, обобщения, систематизации, идеализации и др.) и в конечном счете выстраивание определенной системы понятий и представлений об объекте, принимаемом за тайну.

Переживания тайны несут в себе явно выраженную заинтересованность субъекта в ее содержании; на образ тайны направлены волевые интенции субъекта; она объект волевого самоопределения субъекта. Поэтому тайна личностно модальна. Она индивидуально порождается и индивидуально переживается. Структура личности изначально включена в жизнь тайны и неповторимо испытывает на себе ее влияние. Данное обстоятельство позволяет говорить об экзистенциальном аспекте тайны. Тайнотворчество протекает не в абстрактном пространстве психологических форм, а в реальных условиях жизни — как некоторый способ разрешения постоянно изменяющихся отношений конкретного индивида, обладающего определенным набором потребностей, интересов и средств их удовлетворения, с окружающей средой. Тайна — всегда особое событие в неповторимой жизни личности, некая веха ее жизненного пути.

В зависимости от характеристик личности, творчески осваивающей образ тайны, возможны три его основных преобразовательных тренда. Первый отличается доминированием аффективно-эмоциональных переживаний, сопровождающих образ тайны. Тайна здесь “уходит” из-под контроля мыслительной деятельности, застилаясь пеленой фантастики, облекаясь в одежды мистицизма, мифологии и магии, наполняясь чувственной экзальтацией и т.п. В данном случае актуализируется отношение *образ — субъект*.

Другой тренд нацелен на рационально-критический реализм. Наглядно-чувственный образ тут преобразовывается воображением под контролем интеллекта, блокируя аффективную составляющую. На этом пути актуализируется отношение *образ — объект*, и мы имеем дело либо с художественными средствами выразительности, либо с рационально-понятийными конструкциями философии, науки, техники и др.

Существует и третий, промежуточный тренд. Отношения *образ — объект и образ — субъект* в такой ситуации не дифференцированы, когнитивное и аффективно-эмоциональное поставлены во “внешнее отношение” друг к другу, функционируя параллельно и в то же время дополняя друг друга. Порождаемые данным трендом формы — это прежде всего таинства религиозного сознания, в которых доктринальное содержание закрепляется аффективными состояниями (молитвы и др.), воспроизводимыми ритуально-обрядовыми процедурами.

В чем же коренится власть тайны над человеком? Дело в том, что тайна теснейшими узами связана с потребностно-мотивационным компонентом сознания. Этим объясняются и ее мощный аффективно-эмоциональный заряд, и широкая гамма сопровождающих переживаний, и ее побуждающие силы. Ведь потребности находятся в двойственном отношении к миру. С одной стороны, в потребностях проявляется зависимость субъекта от мира (природных и общественных сфер) и таким образом они представляют человека как “существо страдающее” [8, с. 522]. С другой — потребности выступают как побудительная сила, толкающая субъекта к деятельности, наделяющая активностью и страстностью. Такая двойственность придает жизнедеятельности субъекта глубокий внутренний драматизм. Одной из “превращенных форм” проявления последнего и является тайна.

Формы проявления потребностей разнообразны — это влечения, желания, интересы и т.д., выражающиеся в эмоциях. Тайна вырастает из интереса, который проявляется как устойчивая сосредоточенность помыслов⁴ “на определенном предмете мыслей, вызывающем стремление ближе ознакомиться с ним, глубже в него проникнуть, не упускать из поля зрения” [там же, с. 525]. Можно выделить два вида помыслов и соответствующие им виды тайн: помыслы в области позна-

⁴ “Под помыслом мы... разумею сложное и неразложимое образование — направленную мысль, мысль-заботу, мысль-участие, мысль-приобщение, внутри себя содержащую и специфическую эмоциональную окрашенность” [8, с. 525].

Chess Statue Surreal Manipulation (Шахматный сюрреализм). Рисунок с сайта: URL: <http://www.psd-dude.com> (дата обращения: 17.02.2015)

ния — тайны познания, знания, науки, философии и пр.; помыслы в области общения — тайны приобщения к коллективу, участия в сообществе и пр. Отсюда и различие тайн познания и тайн общения: первые ближе к интересам, желанию ознакоми́ться, знать, познавать, вторые — к потребности быть включенным в некое сообщество. Истоки родства названных видов потребностей коренятся, на наш взгляд, в глубинной связи познавательного и игрового моментов в эволюции психики.

Потребность в общении формирует мотивацию для консолидации группы, коллектива, общины. Она может быть использована некоторыми агентами для волевого управления субъектом, носителем такой мотивации. Так, еще в первобытные времена тайна стала духовной основой определенного типа коллективных организаций — тайных (мужских и женских) союзов, разного рода религиозно-философско-мистических школ (например, пифагореизм). С античных времен широко известны тайные (мужские и женские) союзы, тайные общества, которые играли важную роль в организации и управлении социума. В дальнейшем данная черта тайнотворчества проявлялась в организации разного рода закрытых обществ, орденов (типа масонства), конспиративных партий и т.п. В этой своей интегрирующей роли тайна неотрывна от мифотворчества. Именно миф как культурная форма выражения тайны обеспечивал утверждение, укрепление и постоянное воспроизводство такого рода коллективности.

Таким образом, тайна выступает как некий обобщенно-чувственный образ, не имеющий интерпретации (условия его возникновения и функционирования рефлексией субъекта не ох-

вываются и не объясняются), тесно связанный с потребностями и мотивациями субъекта, несущий в себе явно выраженную его заинтересованность, являющийся объектом его волевого самоопределения. Основания тайнотворчества кроются в потребностно-мотивационной сфере сознания, в особых видах потребностей — познания мира и общения. Неразрывная связь с данной сферой сознания наделяет тайну способностью властвовать над человеком, влиять на его поведение. Ведь последнее прежде всего определяется потребностями и порождаемыми ими мотивами.

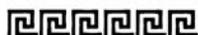
В системе познавательных потребностей ключевую роль играет потребность в восприятии. Как показывают когнитивные исследования, образ восприятия — это не пассивный слепок среды, а продукт активной деятельности, которая опирается на врожденные предпосылки⁵. И важнейшая из них — потребность в восприятии мира. В ней выражаются зависимость организма от окружающей среды, культурно-исторический и личный опыт субъекта. Перцептивный процесс всегда имеет личный план, смысловую сторону. Реализуя когнитивную связь субъекта со средой, сенсорно-перцептивное отражение вплетено в акты повседневной жизнедеятельности субъекта и несет на себе их смысловой отпечаток: “Структура личности наблюдателя с самого начала участвует в детерминации перцептивного события как внутренний фактор и общая предпосылка и так или иначе испытывает на себе его эффект. Своеобразие перцептивной потребности, установки, отношения к объекту, способ восприятия, совокупный чувственный опыт характеризуют и восприятие, и личность человека” [1, с. 463–464].

Отношения субъекта к объекту многообразны. Способность оперировать одним из отношений, переходить от одной системы преобразований к другой — условие интеллектуальной децентрации, которая (в силу конечности исторического опыта) не может охватывать все отношения субъекта к объекту. Среди них неизбежно присутствуют те, что субъектом не рефлексированы, не охватываются и не регулируются. Это означает, что личностный смысловой план перцептивного отражения в принципе не может быть исчерпан или элиминирован. Данное обстоятельство делает перцептивный образ до конца не интерпретируемым⁶. В указанной закономерности сознания, на наш взгляд, и коренится основание тайнотворчества. Поэтому тайна носит универсальный характер и переживается субъектом как бездонная трагедия, сопровождаемая страхом, который выражает таящуюся в безднах бытия вечную скорбь мира, его неизбывную тоску и стенания.

Но почему в мироощущении человека исторически нарастает мистериальность бытия? Как нам представляется, это связано с закономерностями исторического развития познавательных потребностей. Одна из них состоит в том, что

⁵ “...Многое в восприятии представляется врожденным, причем в плане самых общих категорий, таких как интермодальное пространство и постоянство существования предметов. Чувствительность к нюансам в пространственной области сочетается со слабостью в восприятии формы” [2, с. 251].

⁶ Потому иллюзию, галлюцинацию невозможно отличить от действительного образа, оставаясь только в рамках чувственного отражения.

“в ходе филогенеза предметное содержание перцептивных потребностей дифференцируется и обогащается: чем полнее и многообразнее индивид включен в жизнь, тем тоньше и разнообразнее он должен отражать свое бытие. Развитие перцептивной потребности означает расширение сферы контроля индивидом... условий жизнедеятельности” [там же, с. 82]. Иначе говоря, личностная смысловая составляющая не только сенсорно-перцептивного, но и всех уровней когнитивной системы постоянно усложняется и диверсифицируется. А следовательно, субстанциальное основание тайнотворчества не только постоянно воспроизводится, но и расширяет свое содержание, тем самым способствуя повышению мистериального накала мироощущения.

Литература

1. *Барабанищев В.А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейа, 2002.
2. *Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 2. М.: Смысл; Издат. центр “Академия”, 2006.
3. *Ле Гофф Ж.* Герои и чудеса средних веков. М.: Текст, 2011. С. 5.
4. *Найдыш В.М.* Власть тайны: Очерки по философии мифологии. М.: Альфа-М, 2014. С. 104–108.
5. *Найссер У.* Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.
6. Наука и квазинаука / под ред. Найдыша В.М. М.: Альфа-М, 2008.
7. *Отто Р.* Священное. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008.
8. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004.
9. *Солсо Р.Л.* Когнитивная психология. СПб.: Питер, 1996.
10. Христианство: Энцикл. слов.: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во БСЭ, 1995. С. 6.
11. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей: в 3 т. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М.: Академ. проект, 2009. С. 138.
12. *Baars B.J.* The cognitive revolution in psychology. N.Y., 1986.
13. *Molé M.* Les mystiques musulmans. P.: Presses univers. de France, 1965.
14. *Neisser U.* Cognitive Psychology. N.Y., 1967.
15. *Nicholson R.A.* Studies in Islamic Mysticism. Cambr.: Cambr. Univ. Press, 1967.
16. *Schimmel A.-M.* Mystical dimensions of Islam. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1975.